

быть Алексеем Германом

русские показали Венеции «Garpastum»

АНТОН ДОЛИН ВЕНЕЦИЯ

Монохромное кино, полное упомирачительно сложных конструкций, едва ощутимого юмора и очевидной поэзии: такими русских знают завсегдатаи международных фестивалей, такими их совершенно не знает отечественный зритель, давным-давно не ходивший в кино на национальный арт-хаус. Если и есть способ это как-то изменить, то он один и уже продемонстрирован два года назад Андреем Звягинцевым. Надо победить на одном из фестивалей, и тогда публика отправится за билетами в кино. Это как с футболом: гордость за отчизну важнее вкусов. Понимает это и Алексей Герман-младший. Его второй фильм, «Garpastum», представляющий Россию в конкурсе, в Венеции встречали долгими почтительными аплодисментами.

Не хочется сглазить, но у Германа-младшего есть шанс повторить триумф Звягинцева. Правда, не во всем — «Льва будущего» Герману точно не видать: «Garpastum» не дебют, а вторая его картина. Дебютная, «Последний поезд», показывалась в Венеции одновременно с «Возвращением» и заслужила специальное упоминание жюри. Так что если «Garpastum» — а судя по теплоте приему, это не исключено — получит хотя бы один трофей, то Герман-младший в куда более молодые годы, чем Звягинцев, тоже окажется дважды лауреатом Мостры. Кстати, о годах: Герман, которому в первый день пребывания в Венеции стукнуло 29 лет, стал самым молодым участником конкурса. Его участие в фестивальном процессе, принимающем с годами все более геронтофильский характер, само по себе — приз.

Одна из главных проблем для молодых режиссеров — наследование классикам, которые еще успели 20—30 лет назад открыть что-то новое, сейчас же, кажется, открыть ничего невозможно. В России, стране традиционно мафиозной, династии режиссеров — дело обычное, и в числе самых успешных постановщиков числятся Тодоровский, Кончаловский, Хржановский и Герман, все с ремаркой «младший». Чисто технически войти в кинематограф обладателям известных фамилий легче, чем иным их собратьям по профессии, но вот психологически... Шизофрения повсеместно вторичного кинематографа все чаще получает выражение в проектах под названиями «Быть Джо-

ном Малковичем», «Быть Стэнли Кубриком», но это все — фантазии. А теперь представьте, вес какой ответственности лежит на человеке, который по профессии — кинорежиссер, а по имени и фамилии — Алексей Герман.

Утешаться можно тем, что Алексей Герман-старший тоже унаследовал от своего отца немало: «Проверки на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин» поставлены по повестям Юрия Германа, а в «Хрустале, машину!» нарисован его своеобразный портрет. Герман-младший (или Герман Третий?) кое в чем напрямую цитирует лучший фильм папы. Похожи изобразительный ряд и цвет; похожи внезапные кровь и грязь, пересекающие ближе к финалу идеалистские устремления героев; в конце на пристани играет военный оркестр и вслух поминается последний трамвай, в точности как в последней фразе «Лапшина». Алексей Алексеевич, так же как Алексей Юрьевич, исследует человека на фоне времени. Передать изменчивую, текучую природу Кроноса как Герман-старший его наследник пока не может, да и почувствовать тоже. Ему, по счастью, пока не довелось познать на себе, каково это — годами делать фильм, а потом годами ждать возможности хоть кому-то его показать. Потому местами «Garpastum» статичен, как оживленная фотография (правда, похож он не на официозные портреты и пейзажи, а на высокохудожественную съемку, какой увлекались пионеры фотографии XX века, ныне обильно выставляемые в галереях и музеях). Неиз-

бежно провисают темп и ритм — но, странным образом, это только идет на пользу итоговому впечатлению: Герман будто медитирует над игрой в прафутбол 1914 года — отсюда заголовок, название античной игры в мяч, — и делает о нем в лучшем смысле слова неспортивный фильм.

Герман ищет в пространстве и времени живых людей и находит их как в центре, так и на обочине. Второе у него получается значительно удачнее: двое из четырех мальчиков, обожающих футбол и решивших сделать собственный стадион аккурат в начале Первой мировой, сыграны Дмитрием Владимировым и Александром Быковским без преувеличения блестяще. Зато центральные герои, красавчики братья в исполнении Евгения Пронина и Даниила Козловского (оба из театральных вузов), смотрятся скорее идеальными моделями братьев Старостиных, судьбы которых вдохновляли сценаристов, нежели реальными пареньками-футболистами начала века. Чулпан Хаматова и Гоша Куценко в ролях, соответственно, держательницы декадентского салона и поэта Блока показывают недюжинное владение профессией, но кажутся намеками на персонажей, почти миражами. По-настоящему реален в этом фильме только один человек, и это режиссер Герман. Трогательный идеалист, свято верящий в Культуру, Историю и Судьбу, предстает неожиданно сильным мастером. Смотря «Garpastum», понемногу преодолеваешь сопротивление материала и погружаешься в него, как в сказку. Тогда внутренний сюжет — «преодолеет ли Герман-младший в себе Германа-старшего» — перестает иметь значение.

Чисто механически Герман-младший занял нишу вынужденно пустующую, пока его отец-перфекционист работает над новым шедевром. Теперь в мировом кино есть молодой и активный Герман, слава тебе господи. Почерк похож, стиль выдает преемственность, а задачи совсем иные, и это значит, что перед нами тот, кого со временем непременно назовут большим режиссером. Для участия же в фестивалях такой Герман — куда лучшая кандидатура, чем любой другой: молодым иногда не хватает опыта и глубины, но бегают они быстрее и по воротам точно не промажут.